

Атмосфера в классе сделалась весьма двусмысленной.

К счастью, Старина Бай вовремя заговорил, развеяв неловкость.

— Перед тем как начать урок, сделаю объявление. Все вы знаете, что в нашей школе Наньвай у выпускных классов есть давняя традиция: сразу после начала семестра мы устраиваем сборы, чтобы закалить характер и поднять боевой дух.

— Но так как этот год под руководством завуча Пэна признан худшим за всю историю школы, руководство решило подойти к вопросу со всей строгостью. Сборы пройдут на базе «Молодой орёл». Нас ждёт пятидневный тренировочный лагерь, который начнётся в следующую субботу.

Класс тут же взорвался дружным стоном.

— Да у нас же времени в обрез! На кой чёрт нам эти глупости?

— В нормальных школах сборы проходят в десятом классе, а у нас — прямо перед выпуском. Там наверху все с ума посходили?

— Да я лучше экзамены буду сдавать! Хотя пять дней подряд, только не это!

— Плюс один! Я тоже за тесты!

Старина Бай передал стопку бланков ученикам за первой партой и неторопливо проговорил:

— Тяжело в учении — легко в бою. Посмотрите на себя: бледные, вялые, краше в гроб кладут. Если вас сейчас не погонять, вы же до экзаменов не доживёте — развалитесь по дороге.

И ведь не поспоришь. Больше половины учеников Первого класса спортом не занимались вообще, гордо именуя себя «гениальными затворниками».

Класс снова уныло завыл.

— Ладно вам, выть бесполезно. Передавайте бланки по рядам. Напишите имя, рост, вес и пол. Это нужно для пошива формы и распределения по отрядам. Не вздумайте врать. До конца урока сдать мне.

Очередь дошла до ряда Цзяня Суньи.

Имя: Цзянь Суньи.

Рост: 183 см.

Вес: 64 кг.

Пол: Недифференцированный Альфа.

Он заполнил всё без малейших колебаний и с каменным лицом протянул бланк Бо Хуаю.

Бо Хуай даже глазом не повёл. Спустившись строчкой ниже, он быстро вывел свои параметры — 188, 70, А — и передал лист Юй Цзыго.

«Секреты этого упрянца — не повод для шуток. Их нужно беречь как зеницу ока.»

Отдав бумагу, Бо Хуай незаметно опустил руку под парту и под прикрытием полов школьного пиджака быстро набрал сообщение на телефоне.

— Бо Хуай! — внезапно окликнул его Старина Бай.

Опасаясь, что телефон отберут и увидят переписку, Бо Хуай молниеносно стёр только что отправленное сообщение и лишь тогда поднял голову.

Старина Бай поправил очки на переносице:

— Подойди, заberi ваши с Цзянь Сунъи работы.

— Сейчас.

Стоило парню сделать шаг к кафедре, как учитель передумал:

— Хотя нет, свою забирай, а работу Цзянь Сунъи оставь здесь.

Цзянь Сунъи удивлённо вскинул брови, всем своим видом выражая искреннее недоумение.

— Мне просто безумно интересно, — со вздохом пояснил Старина Бай, — насколько нужно быть бессердечным, чтобы при абсолютном максимуме по математике, естественным наукам и английскому умудриться так безжалостно растерзать мой предмет?

Задания на этой совместной олимпиаде оказались не самыми сложными. Оба получили высший балл по математике, в английском потеряли всего по два балла за эссе. По естественнонаучному блоку Цзянь Сунъи набрал чистые 300 очков, тогда как Бо Хуай — 288.

Однако за китайский язык Цзянь Сунъи заработал скромные 117 баллов против 130 у соперника.

В итоге разница составила ровно один балл. В пользу Бо Хуая.

Относись Цзянь Сунъи к родному языку чуточку уважительнее, пиши он хотя бы разборчиво, ему не пришлось бы сейчас признавать поражение и называть Бо Хуая «папочкой».

Для Старины Бая, который по совместительству преподавал китайскую словесность, это было личной трагедией. Он со скорбным видом воззрился на исчерканный лист, шумно вздохнул, снял очки, устало потер глаза, водрузил их обратно, вчитался снова и опять горько вздохнул.

Цзянь Сунъи лишь хмыкнул про себя: «Тоже мне, трагедия вселенского масштаба».

Старина Бай словно прочитал его мысли и с неподдельным отчаянием в голосе спросил:

— Цзянь Сунъи, ну как так можно? Анализ стихотворения, которое проходят ещё в седьмом классе! Как можно было не угадать ни одного ключевого тезиса?

В этот раз им досталась классика — стихотворение Александра Пушкина «Если жизнь тебя обманет». Почти любой школьник помнил из него хоть пару строчек, но Цзянь Сунъи умудрился не попасть ни в один критерий оценки. Поистине выдающийся талант.

Вернувшись на место, Бо Хуай убрал работу по китайскому и вытащил чистый бланк по физике и химии.

Старина Бай, собиравшийся было воззвать к совести Цзянь Сунъи, краем глаза заметил, как Бо Хуай увлечённо чертит сложную схему векторов сил. Учитель едва не поперхнулся от возмущения.

Впрочем, вспомнив, что Бо Хуай со своими баллами по гуманитарным предметам легко затыкал за пояс весь профильный класс, а вот с точными науками у него периодически возникали «небольшие трудности», Старина Бай решил закрыть на это глаза. И перевёл весь огонь на его соседа.

— Итак, взглянем на первый вопрос: «Что подразумевается под выражением „жизнь тебя обманула“?». Четыре балла! Буквально даром! Цзянь Сунъи, сделай милость, почему бы тебе просто не забрать их?

Слыша неподдельную обиду в голосе классного руководителя, Бо Хуай даже мысленно посочувствовал бедному педагогу.

Цзянь Сунъи же проявил завидное хладнокровие:

— Да я вроде и не отказывался от них. Кто же знал, что проверяющие окажутся такими придирчивыми.

—...

— Вот это, по-вашему, не обман со стороны жизни?

—...

Старина Бай шумно вздохнул через нос, сдерживая рвущийся наружу крик. Опустив взгляд в работу, он зачитал ответ ученика — монотонно, без единой эмоции:

— «Ответ: под этим понимается ситуация, когда никчёмные люди перекладывают ответственность за собственные неудачи на внешние обстоятельства».

Закончив чтение, он медленно поднял голову, требуя объяснений.

Заметив, что Бо Хуай с головой ушёл в свои расчёты, учитель решил убить двух зайцев одним выстрелом:

— Бо Хуай, будь добр, прокомментируй ответ своего соседа.

Тот оторвался от чертежа и невозмутимо ответил:

— Хороший ответ.

—... И чем же он хорош?

— Жизненно.

— То, что это жизненно, я и сам вижу. Я спрашиваю, почему ты считаешь это правильным трактованием стихотворения?

— Именно потому, что он говорит чистую правду.

Одноклассники переглянулись, окончательно запутавшись в этой словесной дуэли.

Цзянь Сунъи согласно кивнул учителю, полностью одобряя вердикт товарища.

«Да и в самом деле: у судьбы слишком много забот, чтобы разыгрывать перед кем-то дешёвые комедии. Все эти жалобы на тяжёлую долю — обычный уход от ответственности.

Взять хотя бы меня. Проснулся в один прекрасный день Омегой, хотя семнадцать лет считал себя чистокровным Альфой. И что, я бьюсь в истерике? Жалуюсь на несправедливость вселенной? Нет.

А этот русский поэт просто развёл излишнюю драму.»

Глядя на двух гениев, которые сидели бок о бок с невероятно серьёзными лицами, заслуженный педагог Бай Пиншань почувствовал, как у него предательски закололо в груди.

Чтобы вернуть душевное равновесие и хоть какую-то власть над классом, учитель решил сменить мишень. Взгляд его упал на безмятежно спавшего впереди Сюй Цзясина. Вот он, идеальный кандидат для показательной порки.

— Сюй Цзясин! Будь так добр, зачитай нам это стихотворение вслух.

Парнишка вскинулся, растерянно моргая спросонья:

— А? Что? Да, сейчас... «Если жизнь тебя изнасилует...»

Старина Бай едва не выронил мелок:

— У жизни вообще-то есть вкус! С чего бы ей на тебя зариться? Сначала протри глаза от сна, а потом читай!

«За какие грехи мне достался этот класс?» — мысленно взмолился учитель.

По кабинету прокатился весёлый гул.

Юй Цзыго наблюдал за происходящим со смесью зависти и растерянности. Немного поколебавшись, он тихонько толкнул Ян Юэ локтем:

— Староста, у вас в элитных школах всегда так весело на уроках?

— Ну, не везде, конечно, — вполголоса ответил Ян Юэ. — На математике у Лао Лю особо не забалуешь. Но в целом атмосфера у нас свободная. А что?

— Да так... Непривычно просто. У нас в старой школе учителя орали почём зря, скукотища смертная была. Я думал, в престижных заведениях все сидят тише воды, ниже травы.

— Думал, мы тут все бездушные роботы, заточенные под зубрёжку? — усмехнулся староста.

— Нет-нет, я вовсе не это имел в виду... — смутился Юй Цзыго, залившись краской.

— Да ладно тебе, я же не в обиду, — махнул рукой Ян Юэ. — Привыкнешь ещё.

Наньвай была элитной частной школой с относительно недолгой историей. Директор, получивший образование за рубежом, внедрял самые передовые методики обучения. Дети здесь учились преимущественно из обеспеченных семей, и упор делался на всестороннее развитие личности. А поскольку ученики Первого класса действительно обладали недюжинным умом, преподаватели давали им немалую свободу. Отсюда и такая непринуждённая атмосфера.

Правда, из-за этого местные ребята порой свысока посматривали на тех, кто пытался брать исключительно упорством и бесконечной зубрёжкой. В этом не было сознательной жестокости — просто дети, выросшие в «башне из слоновой кости», не подозревали, что стартовые условия у всех разные.

Кому-то приходится прикладывать титанические усилия и биться головой о стену лишь ради призрачного шанса вырваться в люди.

Обитателям благополучного мира никогда не понять аутсайдера, а ему не постичь их лёгкости.

В этой пропасти взаимного непонимания робкое восхищение и зависть легко могут переродиться во что-то иное.

В лучшую или худшую сторону — покажет время.

Ни Ян Юэ, ни Юй Цзыго не задумывались об этом глубоко. И сам Бо Хуай когда-то был таким же слепым к чужим трудностям.

Краем уха прислушиваясь к их шёпоту, он продолжал методично решать задачи.

Лицо Бо Хуая оставалось абсолютно бесстрастным, однако Цзянь Сунъи каким-то шестым чувством уловил: тот сейчас витает далеко отсюда.

Поддавшись внезапному порыву, он вытащил из кармана телефон.

Но стоило разблокировать экран, как взгляд наткнулся на непрочитанное сообщение от Бо Хуая, отправленное минут пятнадцать назад.

[Бо Хуай: На военных сборах тебя распределят в отряд к Альфам. Могут возникнуть проблемы. Хочешь, устроим тренировочные спарринги, чтобы ты немного адаптировался?]

Сам Цзянь Сунъи даже не подумал об этой загвоздке, а вот Бо Хуай сразу всё просчитал.

«А этот парень действительно бывает полезен».

[Цзянь Сунъи: Идёт. До сборов как раз есть несколько дней, надо потренироваться.]

Заметив слабое свечение под партой соседа, Бо Хуай, не прерывая работы над задачей по физике, принялся левой рукой вслепую набирать ответ.

[Бо Хуай: У тебя или у меня?]

[Цзянь Сунъи: Давай у меня. Мамы вечером не будет, так что дом целиком в моём распоряжении.]

[Бо Хуай: Договорились. Жди в комнате, я приду сразу, как приму душ.]

Всё предельно ясно, договорились быстро.

Но почему-то Цзянь Сунъи не покидало смутное ощущение, что в этой переписке кроется какой-то подвох.

Ему казалось, что Бо Хуай сознательно построил фразы двусмысленно, но придраться было абсолютно не к чему.

Заметив краем глаза озадаченное лицо друга, напряжённо уставившегося в экран смартфона, Бо Хуай слегка улыбнулся.

Развернувшийся к нему в этот момент Ян Юэ списал это выражение на какой-то нездоровый фанатизм:

— Дружище, ну нельзя же смотреть на схему силы трения с такой нежностью! Аж мурашки по коже.

Бо Хуай слегка коснулся ручкой нарисованного на деревянной планке шарика и небрежно пририсовал ему весёлую рожицу:

— Да ладно тебе. Посмотри, какой он забавный.

Ян Юэ недоумённо почесал затылок:

— М-да... У тебя весьма специфические вкусы.

«Вот поэтому мне никогда не занять первое место на олимпиаде», — с грустной завистью подумал староста. Куда ему до такой искренней, трепетной любви к физическим формулам.

Цзянь Сунъи же укрепился в мысли, что его сосед окончательно сошёл с ума.

Умиляться бездушному куску графики? Извращенец.

Однако, будучи натурой широкой и всепрощающей, он решил проявить дружеское сочувствие:

[Цзянь Сунъи: Сяо Бо, не переживай, я толерантен к любым девиациям. Жду вечером у себя. Дождь или зной, град или вьюга — твой Сяо Цзянь всегда будет рядом.]

Прочитав это шутовское послание, Бо Хуай лишь покачал головой. Он благоразумно умолчал о том, что вся его «нетрадиционность» замыкается на одном конкретном человеке.

Но мысленно пообещал себе, что вечерняя тренировка будет... незабываемой.

<http://bllate.org/book/20583/2132724>